

указанныхъ здѣсь пѣсенныхъ оборотовъ и выражений въ устахъ настоящаго народнаго пѣвца.

„Мы не ставимъ, — кончаетъ Костомаровъ, — вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлю выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе“. По словамъ Костомарова, Максимовичъ, послѣ того какъ прожилъ десятки лѣтъ на родинѣ, самъ признавалъ заподозрѣнныя пѣсни подложными и къ замѣчаніямъ Костомарова о признакахъ поддѣльности прибавлялъ и собственныя; Максимовичъ говорилъ, что когда жилъ еще въ Москвѣ, вдали отъ родины, онъ обманулся думами „Запорожской Старины“, — тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онѣ составлены были „даровитымъ авторомъ“.

Въ предисловіи издателей „Историческихъ пѣсенъ“, въ статьѣ Костомарова сдѣланы были столь категорическія указанія, что, съ точки зрѣнія интересовъ науки, можно было бы ждать какаго-нибудь объясненія отъ издателя „Запор. Старины“. Но если Максимовичъ, напр., не усумнился признать старую ошибку, то здѣсь никакого объясненія не послѣдовало. Издатель „Запорожской Старины“ и прежде, — когда онъ самъ вѣроятно уже созналъ непрочность своего перваго этнографическаго опыта, — не остановилъ заблужденій, изъ него проистекавшихъ; онъ не подаль голоса и теперь, когда не-народность изданныхъ имъ произведеній была доказана мимо его.

Не было ли отголоскомъ этой старой исторіи то, что въ послѣдующее время, когда онъ, хотя про себя, сознавалъ значеніе „Запорожской Старины“, Срезневскій бывалъ особенно требователенъ къ изданіямъ произведеній народной словесности, легко подвергалъ ихъ сомнѣнію и, напр., заподозривалъ труды Рыбникова, когда тотъ впервые выступилъ съ своими открытіями памятниковъ древняго русскаго эпоса, встрѣченнаго имъ въ олонекскомъ краѣ?

А. Пыпинъ.